

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–68
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–68
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-61-68>
EDN: QKVIDD

Научная статья
УДК 32+303

«Культура отмены» как фактор становления политической идентичности молодёжи

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Политика «отмены» достижений российской культуры, осуществляемая «коллективным Западом» стала в последние годы предметом публичных и научных дискуссий. Главные вопросы, на выяснении которых участники этих дискуссий сосредоточили сегодня своё внимание, это: является ли «культура отмены» в её нынешнем либеральном варианте именно культурой либо враждебной культуре манипулятивной технологией; является ли «культура отмены» феноменом современной политики либо имеет исторические корни; как на враждебные действия Запада российским обществом и государству следует реагировать. Вне предметного поля дискуссий остался вопрос влияния западных санкций против российской культуры, а также усилий отечественных политиков и учёных по выработке стратегии противодействия этим санкциям на процесс формирования политических идентичностей молодого поколения российских граждан. Отмечено, что противоречия в теоретических дискуссиях о природе и назначении «культуры отмены» дают повод молодым гражданам сомневаться в готовности и способности Российского государства дать адекватный ответ на враждебные действия со стороны Запада. В статье сформулирован и обоснован вариант такого ответа.

Ключевые слова: молодёжная политика, политическая культура, политическая идентичность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение «цифрового» поколения к молодежной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И. «Культура отмены» как фактор становления политической идентичности молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–68. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-61-68>, EDN: QKVIDD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

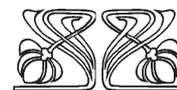
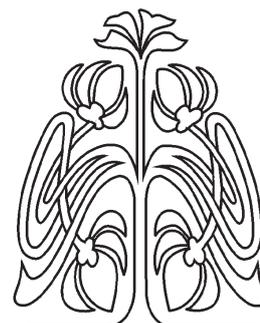
Article

“Cancel culture” as a factor in the development of youth political identity

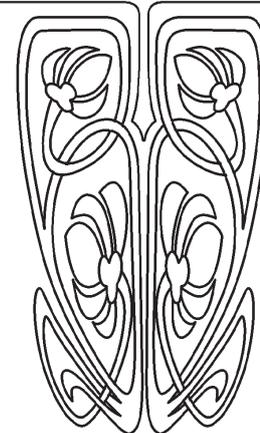
N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

© Шестов Н. И., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The policy of “cancelling” the achievements of Russian culture, carried out by the “collective West”, has become the subject of public and academic debate in recent years. The main questions that participants of these discussions have focused their attention on today are: is the “cancel culture” in its current liberal version a culture, or a manipulative technology hostile to culture; is the “cancel culture” a phenomenon of modern politics, or does it have historical roots; how should Russian society and the state respond to the hostile actions of the West? The issue of the influence of Western sanctions against Russian culture, as well as the efforts of domestic politicians and scholars to develop a strategy to counter these sanctions on the process of forming political identities of the younger generation of Russian citizens, remained outside the subject field of discussions. The article notes that contradictions in theoretical discussions about the nature and purpose of the “cancel culture” give young citizens reason to doubt the readiness and ability of the Russian state to give an adequate response to hostile actions on the part of the West. The article formulates and substantiates a variant of such an answer.

Keywords: youth policy, political culture, political identity

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project “The attitude of “digital” generation to youth policy in modern Russia: Assessments, risks, optimization options”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I. “Cancel culture” as a factor in the development of youth political identity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-61-68>, EDN: QKVIDD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последнее время со стороны российских политиков и учёных прозвучало немало содержательных высказываний на тему природы и свойств «культуры отмены», этого одного из наиболее заметных проявлений русофобии в отношениях между Россией и «коллективным Западом». Высказываний вместе с тем часто противоречивых, апеллирующих одновременно и к первичному смыслу данного понятия, и к тем изменениям, которые в нём произошли по следам всё более обострявшегося с 2014 г. конфликта России с так называемым «коллективным Западом». Изначальный смысл понятия «культура отмены», как утверждают специалисты, сложился на Западе во второй половине минувшего столетия. Он стал результатом, с одной стороны, публичных и научных дискуссий о свободе слова, толерантности и политике, основанной на «правилах», а с другой – практического опыта пользователей социальных сетей. Понятие характеризовало специфическую сторону этики коммуникаций между людьми в быту, политике и социальных сетях, а именно непереносимое исключение из коммуникации тех её участников, которые нарушили ранее согласованные и потому для всех обязательные правила общения [1].

Этот базовый смысл актуален для современных российских научных и публичных курсов. Но в силу упомянутых политических обстоятельств с ним начал конкурировать другой смысл. Можно даже сказать, что к настоящему времени этот второй смысл стал доминирующим в дискуссиях отечественных специалистов о происхождении «культуры отмены», о превращении её в деструктивную политическую технологию, а также о тех ответах, которые на её применение способны дать Российские государство и обще-

ство [2]. Понятие «культура отмены» в современном российском варианте стало обозначать совокупность русофобских высказываний и действий западных элит и актива гражданских обществ, имеющих целью ограничить для своих соотечественников доступ к прошлым и нынешним ценностям и достижениям российской культуры. Иначе говоря, понятие «культура отмены» стало прочитываться, как «отмена культуры». Эта новая трактовка понятия прижилась в научных и публичных политических дискурсах, поскольку она определённым образом работает на повестку властно-общественных коммуникаций. Она акцентирует внимание участников таких коммуникаций на несовместимости базовых социокультурных ценностей России и либеральных демократий Запада как глубинной основе их нынешнего конфликта.

С этой двойственностью смысла приходится считаться как в оценке позиций участников теоретических споров по проблеме «культуры отмены», так и в анализе связей между нею и проблемой политических идентичностей российской молодёжи. Суждения автора на эту тему будут отталкиваться от того факта, что в сознании субъектов российской политики сегодня доминирует упомянутый второй смысл. Он определяет и в обозримой перспективе продолжит определять направление их поисков способа реагирования на санкции «коллективного Запада» в отношении российской культуры. По этой причине и суждения автора о связи двух значимых проблем российской политики – необходимости обеспечить устойчивость процесса формирования патриотических политических идентичностей молодых граждан и противостоять покушениям извне на российское культурное

достояние – тоже будут сообразованы с этим, собственно российским, толкованием смысла «культуры отмены» как антироссийской политики стран либерального Запада.

В сентябре 2023 г. проблемы генезиса и функциональности «культуры отмены» были обсуждены на экспертном круглом столе с участием известных специалистов, представляющих крупные российские научно-образовательные центры [3]. Мнения специалистами были высказаны разные. В чём участники мероприятия сошлись, так это в том, что агрессия Запада против ценностей российской культуры является вызовом, на который необходим скорый и убедительный ответ. Согласились и с тем, что в активизировавшейся сегодня англо-саксонской и романно-германской русофобии отразилось намерение западных либеральных политических и интеллектуальных элит воспользоваться удобным моментом (шоком большого числа людей в мире от осознания собственной уязвимости и собственного бессилия перед пандемией COVID-19) и сделать ещё один шаг к реализации своего глобалистского проекта.

Шаг в духе «великой перезагрузки» Клауса Шваба и Тьерри Маллере [4], предполагающий сделать необратимыми сдвиги в направлении абсолютизации либеральных ценностей в мировоззрении и национально-государственных идентичностях новых поколений граждан по всему миру. Выбивание из-под социальных идентичностей их специфического национально-культурного фундамента такую необратимость действительно гарантирует. Россия же, по мнению экспертов, оказалась на острие либеральной политики «отмены культуры» («культурного остракизма» и «культурного геноцида», по их определению) по причине своих претензий на роль лидера в формулировании и реализации проекта многополярного мира, в котором будут доминировать суверенные нации и их специфические культуры.

В центре внимания специалистов оказались вопросы, безусловно, важные. Например, является ли нынешняя западная «культура отмены» именно культурой в привычном науке и общественному сознанию значении этого слова? Или же это антикультура, политическая технология, направленная на разрушение российских культурных практик и традиционных культурных практик вообще? Другой принципиальный вопрос: «культура отмены» исторична, существует как технология политики давно, и сегодня мы наблюдаем лишь очередной её ре-

нессанс, пробуждение общественного интереса к инструментам культурного остракизма, или же она представляет собой новацию? То есть оригинальный продукт современной политики, развивающейся в условиях экономической и культурной глобализации, а также революции в средствах коммуникации.

Обращает на себя внимание и другое. Покой «культура отмены» трактуется экспертами одновременно и как особое состояние культуры вообще, и как антипод культуры, т. е. чисто политико-манипулятивная практика, маскирующаяся под практику социокультурную. Или же когда эксперт, с одной стороны, высказывает согласие с мнением коллег, что «отмена» ценностей культуры является неожиданной для нас новацией современной либеральной политики, а с другой стороны, в доказательство серьезности, но решаемости проблем нынешней российской политики, порождённых нынешней «отменой», приводит опыт прежних «отмен» в мировой и российской истории.

Такие противоречия в исследовательских дискурсах неизбежны при начале научной и политической дискуссии. Другое дело, что для их устранения могут потребоваться время и силы, которые неплохо было бы сосредоточить на решении практических вопросов, не менее, а, возможно, и более важных на данном этапе политического процесса в нашей стране, чем выяснение феноменологии западных либеральных «отмен».

Что можно и нужно противопоставить стремлению наших недоброжелателей выбить культурные основания из-под политических идентичностей молодого поколения российских граждан, кроме возмущения такими недружественными и часто абсурдными шагами, попыток вразумить наших зарубежных недоброжелателей указанием на их очевидные ошибки, а также дополнительных усилий по популяризации ценностей и достижений российской культуры? Обеспечат ли только эти меры устойчивость процесса формирования патриотической политической идентичности молодых российских граждан, для разрушения которой и была, собственно, предпринята атака на основу этой идентичности – российскую культуру?

В высказываниях отечественных аналитиков на данную тему часто сквозит искреннее изумление тем, что объектом либеральной агрессии вслед за российскими экономикой, политикой и правом стали достижения народов нашей страны в сфере культуры. Сродни тому, какое в первые

десятилетия прошлого века пережили сами европейцы, когда они наблюдали за стремительной милитаризацией и нацификацией Европы, за тем, как целым народам было отказано в принадлежности к человеческой цивилизации. Тогда, как и сейчас, Старая Европа, взявшая на себя миссию хранителя культурного наследия человечества, сама же и повела против этого наследия войну на уничтожение.

Повод удивляться действительно есть. Правда, к полякам, литовцам и прочим прибалтам вопросов в этом смысле нет. Их отношением ко всему российскому никого не удивишь. От привычки видеть в существовании России причину всех своих прошлых, настоящих и будущих бед их не смогли за многие века отучить ни немецкие рыцари, ни наполеоновские генералы, ни даже советские лидеры, по историческим меркам невероятно щедрые на раздачу российских имперских земель под суверенные государства маленьким, но гордым нациям, жаждущим «самоопределения вплоть до отделения». Но сами-то немцы и французы, у них-то что случилось с головами? Куда делись их хваленая толерантность и прагматичность, умение просчитывать наперёд всевозможные риски, что они не просто присоединились к общеевропейскому хору русофобов, а стали в этом хоре дирижировать?!

Не менее удивительно, что санкции затронули ту часть нашего культурного наследия, которая исконно, даже в годы холодной войны, была, можно сказать, неприкасаема. Например, санкции коснулись российской и советской классической литературы, поэзии, живописи, хореографии и музыки, а также науки. Прежде советская сторона в коммуникациях с нашими тогдашними геополитическими противниками презентовала эту часть отечественного культурного наследия как неотъемлемую часть наследия всего цивилизованного человечества. И тогда наши идеологические противники против этого не возражали. Даже усматривали в наличии у них и у нас неких общих культурных ценностей, некие латентные предпосылки для интересной им тогда будущей «конвергенции» двух мировых социально-политических систем – социалистической и капиталистической.

Распад СССР обнулил все эти надежды на «конвергенцию». Зато сложились благоприятные условия для безбоязненной демонстрации открытой неприязни к России со стороны обществ и элит и тех стран, которые традиционно являются её геополитическими противниками, и тех,

которые некогда составляли с ней один так называемый социалистический лагерь. Сначала, пока была жива надежда, что либеральные реформаторы своими радикальными реформами доведут таки постсоветскую Россию до состояния «мировой бензоколонки» (по определению американского сенатора Дж. Маккейна от 2014 г., бодро повторённого потом в 2016 г. президентом США Б. Обамой¹), прежними и новыми русофобами неприязнь демонстрировалась не так явно, как сейчас, когда конфликт России с так называемым «коллективным Западом» перешёл в открытую, силовую фазу. Прежде оправданием нарастающих в этих странах русофобских настроений, соответствующих им публичных высказываний политиков и всевозможных «лидеров общественного мнения», демонстративного переписывания учебников истории, сноса памятников советским вождям и воинам-освободителям была якобы необходимость борьбы с «наследием советского тоталитаризма». Что-либо русское попадало тогда под «отмену» постольку, поскольку оно было советским. Теперь же под «отмену» в противостоящих России странах попадает всё русское просто потому, что оно русское. В том числе под санкции стали попадать те прошлые и нынешние достижения российской культуры, которые сами мы давно привыкли считать не только своим достоянием, но и достоянием всего цивилизованного человечества.

Для значительной части российского общества эта новая тенденция в «западной» русофобии стала, если так можно сказать, откровением. Действительно, можно было бы понять органическое неприятие нынешними русофобами творчества тех современных российских писателей, музыкантов, учёных и т.д., чья гражданская позиция подразумевает солидарность с национально-государственными интересами России и с действиями нынешней российской властной элиты, направленными на их защиту от посягательств извне. В этом неприятии есть своя логика, логика войны, нам враждебная, но, по крайней мере, понятная.

Но чем провинились перед ныне конфликтующим с нами сообществом либеральных демократий, например, классики российской музыки и живописи, поэзии и прозы XIX столетия? Те, чьи произведения попали сегодня под запрет

¹ Обама разжаловал Россию из супердержавы в «страну-бензоколонку». URL: <https://news.rambler.ru/politics/35613338-obama-razzhaloval-rossiyu-iz-superderzhavy-v-stranu-benzokolonku/> (дата обращения: 17.11.2024).

к распространению и исполнению во многих странах Евросоюза. Ведь когда они творили, не было ни российско-украинского вооружённого конфликта, не было Евросоюза, не было многих стран из числа тех, элиты которых сегодня настойчиво изыскивают всё новые способы продемонстрировать всему миру свою русофобию. А уж тем более чем провинились перед нынешним поколением европейцев и североамериканцев, скажем, российские коты и кошки, которым закрыли доступ на международные конкурсы. Породистую кошку, как продукт долгой селекции, можно, наверное, считать частью российской бытовой культуры. У специалистов, выведивших кошачью породу, была, наверняка, какая-то своя гражданская позиция, вероятно, даже патриотическая.

Но если в музыкальном, литературном произведении либо картине можно обнаружить хоть какие-то свидетельства политической позиции их авторов (на этом, вероятно, основании сегодня в Европе произведения Пушкина, Чайковского, Булгакова, многих других российских писателей, поэтов и композиторов оказались под запретом, не говоря уже о связанных с ними местах памяти), то на кошачьих морде и шкуре точно никаких пророссийских деклараций не прочтешь. Зато можно просчитать досаду хозяев этих кошек, имеющих российское гражданство. Формально дискриминируют по политическим мотивам кошек, а не их хозяев. А кошка судебный иск по поводу политической дискриминации ни в какие судебные и правозащитные инстанции не подаст!

И всё же в упомянутых гонениях на русскую классику и российских кошек есть хоть какая-то понятная мотивация, пусть и извращённая. А вот чем провинился перед зарубежными ревнителями «общечеловеческих ценностей» так называемый «Тургеневский дуб», что его исключили в 2022 г. из участия в международном конкурсе деревьев «Европейское дерево года»? Он ещё в середине позапрошлого столетия был посажен И. С. Тургеневым в его имении Спасское-Лутовино. У нынешних русофобов могут быть какие-то претензии лично к И. С. Тургеневу как представителю русского дворянства, которое в своё время было в России «опорой трона» и всего имперского порядка, к его гражданскому и культурному выбору: жить в Европе, но оставаться русским человеком. Но дуб-то почти два столетия растёт там, где его посадили. Он по природе своей не мог иметь ни политических интересов, ни политической идентичности, ни какого-либо

отношения к традиционным и глобалистским либеральным ценностям. Он просто рос. Его, дуба, единственная, пожалуй, политическая вина в том, что он сегодня служит всё ещё живым напоминанием нам о мировой значимости наследия русской классической литературы. Так и европейские дубы, а вместе с ними прочую европейскую флору можно заподозрить в политических прегрешениях. Но они, как жена Цезаря, вне подозрений. Ситуация, как выразился губернатор Орловской области Андрей Клычков, «выше моего понимания»². Слова чиновника как нельзя лучше демонстрируют шок в сознании образованного и воспитанного (в том числе на достижениях зарубежной культуры) русского человека. Шок от абсурдных новшеств в привычной, в общем-то, ему по прежним временам и ранее казавшейся ему относительно понятной «западной» русофобии.

В возмущённых высказываниях отечественных политиков и учёных в адрес зарубежных гонителей российской культуры звучит и открытое опасение. А что если на эту пещерную европейскую русофобию не последует быстрый и адекватный ответ? Как будут выглядеть государство и его политика в глазах граждан, привыкших воспринимать его как государство сильное и суверенное? В особенности, как на это очевидное проявление слабости государства и общества посмотрят молодые российские граждане?

Ситуация с молодёжными политическими идентичностями уже сейчас непростая [5]. Антироссийские санкции последнего десятилетия создали своеобразную точку бифуркации в процессе формирования политической идентичности молодого поколения российских граждан. Санкции стали зримой угрозой планам молодых людей в России на достойное будущее. И, естественно, отреагировали они на неё так, как обычно человек реагирует на опасность. Он или идёт ей навстречу, или бежит от неё. Часть молодых людей сочла себя обманутыми в своей вере в Запад как пространство, в котором сосредоточено всё лучшее, от технологий взаимодействия правового государства с гражданским обществом и до экологически чистых продуктов питания, чего только может желать для счастья цивилизованный человек. А обидевшись на обманщиков, решила противопоставить их

² «Дубовые санкции»: Запад взялся за легендарный дуб и котов из России. URL: <https://crimea.ria.ru/20220303/dubovye-sanktsii-zapad-vzyalsya-za-legendarnyy-dub-i-kotov-iz-rossii-1122576684.html> (дата обращения: 20.11.2024).

антирусской риторике и политике санкций союзнические отношения со своим государством, надеясь на его опыт и нынешние экономические и политические возможности отражения внешних угроз. Для кого-то из молодых людей, напротив, санкции стали весомым аргументом в пользу того, что жить в России и быть успешным человеком невозможно, а потому счастье надо искать на стороне, где, как им кажется, их, таких молодых, красивых и умных, встретят с распростёртыми объятиями и разом обеспечат им безбедную и беззаботную жизнь. Порядок реагирования государства и общества на провокацию со стороны наших недоброжелателей может усилить это нынешнее различие гражданских идентичностей, а может, напротив, свести его к относительно безопасному для политического процесса и для дела воспитания подрастающего поколения граждан минимуму.

Многое зависит от выбора стратегии противодействия западной политике «отмены» всего российского. Обвинительные речи в адрес русофобов хороши. Ещё лучше, когда они сопровождаются оправдательными речами в адрес российского культурного наследия. Вот только ту часть молодых граждан, у которой западные санкции понизили доверие к нынешней российской государственной политике и, напротив, укрепили веру в единство и силу наших западных оппонентов, такими речами не переубедить. Они будут задавать вопрос: что это за государство и общество, которые на открытые провокации способны ответить только воззваниями к разуму и совести обидчиков?

Начинать работу над ответом на западную политику «отмены» российской культуры было бы, наверное, целесообразно с поиска способов самим управленческим элитам как-то разграничить свой большой интерес к формированию у молодых граждан патриотической идентичности с другим своим тоже большим и понятным интересом к использованию механизмов рынка в управлении сферой культуры. Нераздельность этих интересов формирует в молодых людях (и в целом в сознании рядовых граждан) уверенность, что в российской культуре есть ценности и ценности. Есть нечто действительно ценное, а прочее – так себе. Есть вершины русской и европейской живописи, приобщиться у которых можно по относительно доступной многим молодым людям цене, за 300–500 рублей купив билет в Третьяковку, либо в Эрмитаж, либо ещё дешевле в провинциальный музей. И это, сра-

зу надо сказать, разумный момент в политике формирования патриотической идентичности российского гражданина. Но ведь у того же самого гражданина каждый день перед глазами такие «вершины» российской культуры, ценность которых, возможность приобщения к которым измеряются сотнями тысяч и миллионами рублей [6]³. В этом случае те или другие ценности считать настоящими в условиях рынка, который, как нас уверяют уже три десятка лет, всему определяет истинную цену?

Что касается уже непосредственно содержания ответа на русофобские происки «коллективного Запада», то зарубежные гонители русской культуры сами подсказывают, как и чем можно пропорционально им ответить. Не тратя при этом силы и время на переживания по поводу несправедливости и на призывы к нашим оппонентам образумиться. Не для того ими была затеяна вся эта атака на российскую культуру, чтобы её организаторы вдруг согласились с доводами с нашей стороны и пошли на попятную. Тем более что против России и культурных основ политической идентичности её граждан сегодня применена не какая-то уникально-русофобская технология, разумность и полезность которой можно было бы оспорить, апеллируя к разуму и совести. Применена стандартная в общем-то для национальных государств в минувшие два столетия технология управления формированием политических идентичностей граждан.

Технология подразумевает прямое табуирование, по инициативе и под контролем национальных политических и культурных элит, всего, по их представлению, «чуждого» традициям и интересам нации, как их понимает властвующая элита. Всего, что может побудить молодого гражданина к самостоятельному сравнению «своего» с «чужим» и тем внести неупорядоченность в процесс становления и функционирования его политической идентичности. Та же технология лежала в основании советских практик коммунистического воспитания молодёжи. Они подразумевали табуирование той части культурного наследия Запада и тех ценностей, которые потенциально могли оказать «буржуазное влияние» на советскую идентичность молодых граждан. Возможность для советской элиты, особенно её

³ Билеты на «Щелкунчика» в Большой театр были раскуплены за 2 минуты. URL: <https://tv.mail.ru/news/75395-biletu-na-shelkunchika-v-bolshoj-teatr-byli-raskupleny-za-2-minuty/> (дата обращения: 01.12.2024); «ProConcert». Прайс-лист. URL: <https://www.proconcert.ru/catalog/russian/> (дата обращения: 26.11.2023).

молодых послевоенных поколений, негласно обходить эти табу и самостоятельно решать, какой должна быть её идентичность (советской или «конвергентной», в духе распространённых в то время на западе политических и экономических теорий) сыграла с ней злую шутку: собственными усилиями она ликвидировала ту страну, в которой она, собственно, только и могла иметь статус элиты.

Для русофобов в условиях нового этапа противостояния России и Запада хотя бы малый урон политической идентичности хоть какой-то части российских молодых граждан – это очень нужный результат. Но западные санкции против российской культуры (что не всегда принимается во внимание участниками дискуссий на эту тему) главным адресатом имеют не российскую молодёжь. Более всего вся эта кампания по остракизму российской культуры адресована западными элитами собственным молодым гражданам. Она нацелена на укрепление сложившихся за первые десятилетия нового века их либеральных и глобалистских политических идентичностей.

Расчистка пространства культуры от всего, что может составить достойную конкуренцию либеральным и глобалистским ценностям, а также «мультикультурным» практикам, основанным на них, должна поставить молодого и прагматично мыслящего гражданина западного мира перед фактом, что более прочной опоры для его социально-политической идентичности, чем ценности западного образа жизни, нет и быть не может. Он должен увериться, что в конкурентной борьбе за доминирование в глобализованном мире перед «общечеловеческим» смыслом и назначением этих ценностей не устоит никто и ничто. Потому что они – Абсолют! А тому из молодых представителей западного гражданского сообщества, кто в этом усомнится, укажут на «жалкую судьбу» и «ничтожность» национальных ценностей разных стран и народов, включая Россию. Неоспоримым аргументом в пользу правильности «отмены» всего этого национально-культурного ресурса развития человеческой цивилизации будет то, что даже самые сильные государства, вроде России, не смогли никого, включая даже собственных граждан, убедить в значимости своего культурного наследия.

Для желающих «отменить» российскую культуру убедителен будет только один ответ с российской стороны – пропорциональная «отмена» всего того в культурном ресурсе западной либеральной политики, тех ценностей и тех

элементов культурного наследия, которые могут быть вызовом формирующимся политическим идентичностям молодых российских граждан. Ответ, который, возможно, заставит некоторую часть граждан в западных обществах тоже задуматься над тем, действительно ли и для всего мира ли так значимы те ценности западной культуры, которые они возвели в абсолют. Советский опыт политического воспитания молодых граждан, в наши дни основательно подзабытый, может дать современным исследователям и политикам вполне законченное представление о том, как работал тогда этот механизм и как «отмена» ключевых ценностей «буржуазной» культуры правовыми средствами и средствами советской пропаганды (в ответ на «отмену» на Западе всего, что ассоциировалось с идеей коммунизма) позволила государству и обществу в течение нескольких поколений воспитывать качественно нового субъекта политики – советского человека.

Главное, чему учит советский опыт, это что между правовыми, пропагандистскими и экономическими мерами государства, ориентированными на доказательство преимущества российских традиционных ценностей перед ценностями западными, должна быть очевидная для граждан согласованность. Не лучшее условие для формирования устойчивых политических идентичностей молодых граждан, когда пропагандистские усилия государства направлены, например, на продвижение в сферу общественных и общественно-властных коммуникаций традиционной российской ценности крепкой многодетной семьи, тогда как экономическая политика государства в то же самое время развивается в ином направлении. Когда она позволяет банкам аннулировать льготную жилищную ипотеку (как это произошло в последние месяцы 2024 г.) и тем фактически лишает молодые и многодетные семьи возможности в обозримой перспективе обзавестись собственным жильём [7].

Не менее проблемная ситуация с определением будущего российского образования. Несостоявшиеся завышенные ожидания субъектов политики обычно пагубно сказываются на устойчивости их политических идентичностей и конструктивном характере их активности. С образования, от времён Античности и до наших дней, начинается формирование политической идентичности молодого человека. Им же, образованием, оно и завершается в современном национальном государстве, когда гражданин,

радеющий об общественном благе и государственных интересах, отдаёт своих детей и внуков на обучение в российские школу и вуз, а не отправляет приобщаться к благам культуры за рубеж. В минувшие два года от государственных чиновников самого высокого ранга прозвучали заявления о необходимости «отменить» западные принципы образовательной политики и создать в стране российскую суверенную систему образования. По сути, государство пригласило молодёжь сотрудничать с ним на его и общества благо вместо того, чтобы оглядываться на перспективу трудоустройства за рубежом. Идея, несомненно, для молодёжи интересная, для государства и его интересов – идея перспективная. Важна она и с точки зрения патриотической направленности, которую, в случае её реализации, примет процесс формирования молодёжных политических идентичностей.

Идею эту широко растиражировали отечественные СМИ. Законом об образовании РФ⁴, в его последней редакции, а также ведомственными актами было закреплено требование к образовательным учреждениям ориентировать учебный и воспитательный процесс на доказательство значимости традиционных российских ценностей для самоопределения молодого человека в современном мире. Реальные же действия по «суверенизации» отечественного образования никакой системности не продемонстрировали. По сути, ощутимым для молодёжи шагом в направлении реализации публично заявленных новых ценностей и целей суверенного российского образования стало обязательное включение в учебные планы образовательных учреждений дисциплины «Основы российской государственности».

Пока не решены такого рода управленческие задачи, вся критика западной политики «отмены» российской культуры будет гласом, к которому немалая часть российской молодёжи прислушается. Но наверняка будут и те, кто скажет: ну и что, что отменили что-то из разряда российских ценностей культуры? Не они ведь, судя по неоднозначному отношению государства

к взятым на себя обязательствам по их защите, определяют место человека в современном мире. Может, и к лучшему, добавят, что отменили, сняли ограничения морального плана со свободы моего личного политического и культурного выбора. И задача сплочения российских общества и власти на основе сформированных устойчивых патриотических идентичностей молодого поколения граждан будет иметь в лучшем случае только половинчатое решение.

Список литературы

1. Фёдоров А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С.126–144. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144>
2. Кукаева Е., Тимофеева В. Подсевшие на отмену. Как родившийся в США формат общественного остракизма приживается в России // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4818501> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Багдасарян В. Э., Василик В. В., Иерусалимский Ю. Ю., Лантратова Я. В., Мякишев А. П., Хазанов А. М., Якунин В. И. «Культура отмены»: феномен цивилизационного остракизма // Вестник государственного университета просвещения. История и политические науки. 2023. № 4. С. 6–35. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2023-4-6-35>, EDN: RDBEWF
4. Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. Изд-во «ФОРУМ». Вып. 1. 2020. 96 с. URL: https://advokat-rostovdon.ru/wp-content/uploads/2021/01/covid-19_-velikaja-perezagruzka.pdf?ysclid=m4jr08v8p8425591712 (дата обращения: 12.10.2024).
5. Вилков А. А., Шестов Н. И., Казаков А. А., Труханов В. А. Семенова В. Г., Богданов А. В. Идеино-ценностные основы политической культуры провинциальной молодёжи. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2024. 184 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04859-6>, EDN: HDAHFT
6. Селезнева А. В Большом театре назвали начальную цену билетов на «Щелкунчика». URL: <https://finance.mail.ru/2024-11-25/v-bolshom-teatre-nazvali-nachalnuyu-cenu-biletov-na-schelkunchika-63791648/> (дата обращения: 25.11.2024).
7. Сажнева Е. «Мышеловка»: банк троекратно повысил платеж по льготной ипотеке семье с детьми. URL: https://dzen.ru/a/ZORpygT0oArB1LRK?from_site=mail (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273 ФЗ. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleid=1&documentid=475437> (дата обращения: 15.11.2024).

Поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 06.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 06.12.2024; published 28.02.2025